

Информация для цитирования:

Курилова С. Н. Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров / С. Н. Курилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 60—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76.

Kurilova, S. N. (2023). Unadapted Foreign Language Insertions in Spoken Language of Tundra Yukaghir. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 60-76. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76

**Неадаптированные
иноязычные вкрапления
в живой речи
тундровых юкагиров**

Курилова Самона Николаевна

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Международная научно-

исследовательская лаборатория

«Лингвистическая экология Арктики»

samonakur@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научного проекта «Сохранение
языкового и культурного многообразия
и устойчивое развитие Арктики и
Субарктики Российской Федерации»
(грант Правительства РФ,
соглашение № 075-15-2021-616).

**Unadapted Foreign Language
Insertions in Spoken
Language
of Tundra Yukaghir**

Samona N. Kurilova

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

PhD in Philology,

Senior Researcher,

International Research Laboratory

“The Arctic Linguistic Ecology”

samonakur@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the scientific project
“Preservation of linguistic
and cultural diversity and sustainable
development of the Arctic and Subarctic
Regions of the Russian Federation”
(grant of the Government
of the Russian Federation, agreement
№ 075-15-2021-616).

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые рассмотрены иноязычные вкрапления в языке тундровых юкаги́ров-полилингвов Нижней Колымы Якутии, языковой репертуар которых складывается из трех- и более языков. Актуальность исследования продиктована в первую очередь неизученностью контактных явлений в юкагирском языке в целом, сокращающимся числом носителей и важностью документации этого древнего языка северо-востока Сибири. Цель исследования — выявить особенности функционирования вкраплений в современной живой речи тундровых юкаги́ров. Материалом послужили записи устной речи юкаги́ров в виде полилога, диалога и монолога, фрагменты транскриптов которых впервые вводятся в научный оборот. Анализ показал, что вкрапления в юкагирской речи реализуются якутскими и русскими вкраплениями, восходящими к различным частям речи гостевых языков. Автор приходит к выводу об актуальности якутского языка как второго после этнического в виду большей частотности в речи якутских элементов, чем русских. Установлено, что вкрапления маркируются пустыми и заполненными паузами, вокальными, лексико-семантическими и паралингвистическими хезитациями. Отмечается, что креативная функция реализуется через манеру употребления вкраплений отдельным юкаги́ром-полилингвом в своей речи.

Ключевые слова:

язык тундровых юкаги́ров; якутский язык; русский язык; вкрапление; части речи; хезитация; функции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The foreign language insertions in the language of the tundra Yukagirs-polyglots of the Lower Kolyma in Yakutia are considered for the first time. The relevance of the study is primarily dictated by the lack of research on contact phenomena in the Yukagir language as a whole, the decreasing number of speakers, and the importance of documenting this ancient language of Northeast Siberia. The goal of the study is to identify the functioning features of insertions in the modern spoken language of the tundra Yukagirs. The material consists of recordings of oral speech by Yukagirs in the form of polylogue, dialogue, and monologue, fragments of transcripts of which are introduced into scientific circulation for the first time. The analysis shows that insertions in Yukagir speech are realized through Yakut and Russian insertions, originating from various parts of speech of the guest languages. The author concludes the relevance of the Yakut language as the second language after the ethnic one, due to the higher frequency of Yakut elements in Yakut speech compared to Russian ones. It has been established that insertions are marked by empty and filled pauses, vocal, lexical-semantic, and paralinguistic hesitations. It is noted that the creative function is realized through the manner of using insertions by individual Yukagir polyglots in their speech.

Key words:

Tundra Yukaghir language; Yakut language; Russian language; inclusion; parts of speech; hesitation; functions.

Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров

© Курилова С. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Юкагиры издавна считались знатоками не только своего родного юкагирского языка, но и нескольких языков своих соседей — чукчей, эвенков, якутов и русских. Такая ситуация сложилась исторически и географически, поскольку на территории проживания юкагиров постоянно складывались зоны интенсивных этнических и языковых контактов. Первые юкагиры появляются на территории современной Якутии и смежных районов северо-востока Азии примерно в конце III тыс. до н. э. Самые ранние контакты у древних юкагиров устанавливаются с чукчами и коряками на востоке, позднее в XII веке — с ламутами, мигрировавшими с юга, и тунгусами — с запада, и более поздние отношения юкагирам пришлось налаживать с народами-пришельцами: якутами в XVI—XVII веках и русскими в XVII веке. Взаимоотношения некогда многочисленных юкагирских племен и их соседей складывались из конфликтов, совместных миграций, взаимных браков и обменных связей, что стало причиной их постепенного этнического изменения. Особенно к подобным контактам чувствителен язык.

Язык самых северных представителей юкагирского этноса — тундровых юкагиров — наиболее интересный объект исследования благодаря его хорошей сохранности в условиях длительного многоязычия, достаточно богатому языковому репертуару отдельного носителя и невероятной вариативности языка как показателя его живости и развития, несмотря на крайне небольшое число носителей (менее 40 человек).

Сегодня в языке тундровых юкагиров зарегистрировано около 900 иноязычных слов из языков вышеупомянутых народов, с которыми контактировали юкагиры. Более половины всей иноязычной лексики представлено окказиональными вкраплениями, которые еще не были предметом научных изысканий. Особый интерес составляют вкрапления, изучение которых позволит определить, системы каких языков наиболее актуальны в сознании полилингвальных юкагиров в процессе устного речепроизводства.

Цель настоящей статьи — рассмотреть вкрапления из языков репертуара юкагиров-полилингвов на уровне слов и словосочетаний в виде не-

адаптированных иноязычных лексем на речевом материале тундрового юкагирского языка. Такого рода исследование осуществляется впервые.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирической основой исследования послужили пять расшифрованных и частично глоссированных записей живой речи тундровых юкагиров общей длительностью больше часа. Первый транскрипт аудиозаписи, сделанной зарубежными лингвистами С. Оде (Нидерланды) и Д. Матичем (Германия) в 2010 году в участке рядом с селом Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, представляет собой полилог между пятью участниками-юкагирами, приходящимися друг другу родственниками (1932, 1945, 1955, 1958, 1963 годов рождения). Второй — это транскрипт диалога между двоюродными братьями 1952 и 1960 г.р.), записанного автором статьи в 2011 году. Остальные четыре транскрипта монологов юкагиров (1938, 1941, 1945, 1946 г. р.) записаны автором статьи в 2012 году в поселке Черский Нижнеколымского района Якутии. Информанты, проживающие в селах Андрюшкино и Колымское, являются северными, или тундровыми, представителями юкагирского этноса, принадлежащего к числу древнейших этносов северо-востока Сибири. Языковой репертуар тундровых юкагиров складывается из 3—5 языков: собственно юкагирский, чукотский, эвенский, якутский и русский. По нашим наблюдениям, постепенно из репертуара юкагиров выходят чукотский и эвенский. Чаще всего наблюдается переключение юкагиров на якутский, который за последние десятилетия стал вторым по актуальности языком репертуара, о чем свидетельствует количественное соотношение якутского и русского материала в корпусе живой речи юкагиров.

Особенностью живой речи юкагиров-полилингвов является постоянное переключение с одного языка репертуара на другой, однако чаще всего происходит включение в речь большого объема неассимилированных элементов, так называемых вкраплений, анализ которых в юкагирской речи и составляет цель нашего исследования. Под термином *вкрапление*, впервые введенным А. А. Леонтьевым при описании результатов сосуществования двух текстов, относительно нашего материала мы понимаем единицу, сохраняющую в составе фразы на матричном языке (далее — МЯ) формальные признаки (фонетические и грамматические) гостевого языка (далее — ГЯ) [Леонтьев, 1966, с. 60; Крысин 1968, с. 18]. Понятие вкрапления также характеризуется отсутствием или наличием эквивалентов в МЯ [Карлинский, 1990, с. 127], однозначностью и метакомментариями на МЯ [Шагалова, 1996, с. 93], коммуникативно-прагматической [Манина, 2010, с. 115; Новоженова, 2012, с. 38] и просодической маркированностью [Фомиченко, 2013, с. 189]. Кроме того, вкрапления являются отличительной чертой речи отдельно взятого билинг-

ва [Листрова-Правда, 1977, с. 119; Багана и др., 2015, с. 8]. Они используются в речи отдельного носителя в конкретной ситуации и являются одной из форм проявления лингвистической креативности [Bauer, 1983, p. 45]. На материале разных языков вкрапления и их функции рассматривались в трудах Ю. Е. Галяминой [Галямина, 2012], В. Г. Гавриловой [Гаврилова, 2014], Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус [Рожанский и др., 2023] и др.

В свете противопоставления *«отмеченного»* переключения кодов *«гладкому»*, согласно Е. М. Эпплеру, исследователи подчеркивают особую роль средств маркирования иноязычных вкраплений в речи и выполняемых ими прагматических функций, см. [Проценко, 2004, с. 126]. Различные хезитационные явления, с одной стороны, функционально значимы, а с другой — сигнализируют о затруднении при речепорождении [Яковлева, 2016, с. 63]. Вкрапления используются как атрибуты определенной речевой ситуации, указывая на место языкового контакта, цель общения, социальный статус и национальность говорящего, степень владения родным и иностранным языками, психическое и физическое состояния говорящих [Листрова-Правда, 1986, с. 24]. Достаточно широко функции вкраплений рассмотрены в канве художественного текста: передача соответствующих понятий, придание тексту аутентичности, создание колорита, оттенка комичности или иронии, экзотикация, эвфонизация, фасцинация и др. [Влахов и др., 1980, с. 263—265; Манина, 2010, с. 97].

Методология исследования предполагает антропоцентрический и функциональный подходы, методы общенаучные (описательно-аналитический и интерпретационный) и лингвистические (морфосинтаксический, прагматический, конверс-анализ).

Приводимые в рамках данной статьи в качестве примеров фрагменты живой речи тундровых юкагиров публикуются впервые. Каждому фрагменту даны глоссировка и хезитационные разметки со следующими символами:

- | — краткая пауза
- || — средняя пауза
- ||| — долгая пауза
- [ээ] — заполненная пауза
- тэ?-н — затяжка гласного
- [ма]^{FS} — ошибочный речевой шаг

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Самым распространенным видом переключения кодов в живой речи тундровых юкагиров являются вкрапления. Они представляют собой отдельные слова или группу слов из одного или двух гостевых языков и,

согласно классификации Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2020, с. 239], могут реализовываться в речи в виде собственно вкраплений, голых форм и пиджинизмов.

3.1. Вкрапления на уровне отдельного слова

3.1.1. Собственно вкрапления

Инкорпорирование лексем ГЯ в структуру высказывания МЯ без необходимости оформления матричными грамматическими показателями — самый простой способ переключения, не требующий от билингва усилий для совмещения структурных характеристик МЯ и ГЯ. В примере 1 говорящий 1963 г. р. вместо юкагирского слова *ангийэ* ‘волна’ использовал якутский эквивалент *долгун* ‘волна’ (строка 4). При реализации в речи слова *долгун* отсутствуют выраженные хезитационные явления, обычно сопровождающие мыслительные процессы при подборе нужного слова (нет пауз или когнитивных междометий). Живая и свободная от каких-либо дискурсивных маркеров речь со спонтанным введением в морфосинтактическую рамку МЯ лексем ГЯ указывает на языковые предпочтения говорящего (частое использование данного слова), со временем доведенные до автоматизма и ставшие речевой привычкой.

Пример 1.

01 А Ту-н биэрэк-ха лъэ-й буолла. ||
PRXM-AT берег.R-LOC быть-INTR.3SG PTL.Y

02 Ту-н-нааҕар тиз-н-нааҕар илийэ. ||
PRXM-AT-ORNT VIS-AT-ORNT ветер

03 Б Мм.

INTJ

М-м.

04 А Долгун эв-лъэ тэ-н | тэ-ньи йалби-д-эҕал-ҕа, тэ-ньи миэл-гэ-рэ.
волна.Y NEG-NR PRXM-ADV озеро-GEN-берег-LOC PRXM-ADV эта.
сторона-LOC-ADV

(А: На этом берегу же есть (ветер). На этой стороне и на той стороне ветер. — Б: М-м. — В: А *волны* нет здесь, на этом берегу озера, на этой стороне) [МА-П-2010].

Следующий пример (2) содержит вкрапление из ГЯ, не имеющее эквивалента в МЯ. Русизм *экология* интегрируется в МЯ, занимая отведенную ему синтаксическую позицию в именительном падеже без нарушения грамматических правил юкагирского языка (строка 02). Переключение предвосхищает метатекстовый комментарий в интонационном оформлении *хуодэ моннунни* ‘как говорят’, представляющий собой по сути хезитацию. Такая компактная заполненная пауза обусловлена языковым фактором: говорящий (1946 г. р.) уже подобрал нужное слово ГЯ, для которого

нет адекватного эквивалента в МЯ, и готовит слушателя к восприятию сказанного, полагаясь на то, что слушающий в любом случае все поймет, потому что он также владеет русским, и коммуникативный эффект будет достигнут.

Пример 2.

01 Ту-н || йуодабанэ тэ'-н | та-даа-нэ-н таат |ээ| льэнг виэ-дэ курчи-ч |э|
PRXM-AT кажется PRXM-D DST-ADV-INTS-FC так PTL другой-ADV
02 ту-н | худэ мон-нун-ни | *экология*.

HES PRXM-AT как сказать-HAB-INTR.3PL экология.R

(Кажется вот и там так изменилась, э, как говорят, *экология*) [МА-2012-4].

3.1.2. Голые формы

Не менее часто в речи юкагиров встречаются *голые* формы ГЯ, представляющие собой иноязычные лексемы, не оформленные соответствующими грамматическими показателями МЯ, хотя их позиция этого требует, согласно Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2020, с. 239]. В примере 3 мы видим пример голой вставки в виде русизма *вагонка*, у которого в юкагирском языке нет эквивалента. Этот русизм неинфлектирован, но его позиция в морфосинтаксической рамке МЯ требует оформления локативом (*вагонкаба* ‘в вагонке’) (строка 02). Речь в целом динамичная, за исключением хезитационного макропериода при последующем переключении на русизм *вагонка*, в лексиконе северян означающий временное или сезонное жилье, изготовленное из тонких обшивочных досок (строка 1). Макропериод состоит из различных видов хезитаций: вокальная (ээ), лексико-семантическая (*льэгэ* ‘тот самый’), паралингвистическая (вздох), обрамленная короткой и средней паузой и снова вокальная (ээ). Это помогает говорящему (1952 г. р.) удерживать речевую инициативу, пока в его сознании в это время происходит поэтапный процесс припоминания и подбора слова. Завершает переключение уже известный нам комментарий *моннунни* ‘как говорят’.

Пример 3.

01 Тадаат ваай а-н маарха-н ээ льэгэ |вздох|| ээ *вагонка* мон-нун-ни та |
HST потом снова VS-D один-GEN PRT HST вагонка.R сказать-HAB-
INTR.3PL to.R

02 мэ нэмэ-н та-н || та... | та-би ваай тадаа-нэн тиндаа мэ сабанаа-нун-
ни льиэ. |вздох||

INDF что-GEN DST-AT [та]^{FS} DST DST-NR.NOM тоже там-INTS раньше AFF жить-HAB-INTR.3PL PRT

03 Тадаа-нэ сабанэ-с-ну-тэ-м?

там-INTS жить-CAUS-PL-FUT-TR.3SG

(Потом опять вот в той одной, ээ, той самой *вагонке*, как говорят-то, как вот это... это и там тоже раньше жили же. И там позволяют жить?) [МА-Д-2011].

3.1.3. Пиджинизированные вкрапления

Пиджинизмы возникают в тех случаях, когда иноязычная лексема хорошо знакома отдельному говорящему (или группе говорящих) и он (или они) часто использует такую лексему в своей речи. Гостевая лексема инкорпорируется через оформление матричной системной морфемой, чтобы адекватно вписаться в морфосинтаксическую рамку МЯ. Такие формы ПК широко не распространены, но встречаются в юкагирской речи (як. *алар-ым* ‘моя рощица’; рус. *шлюпка-лэк* ‘шлюпкой’, *интерес-ба* ‘в интересе’). В примере 4 юкагирка 1945 г. р., вспоминая детские годы, рассказывает о небольшом земляном маяке, которым ее запугивала бабушка, если она не засыпала. Такие русские вкрапления, как *экспедиция* и *маяк*, редко встречаются в языке юкагигов, но могут периодически возникать в речи одного носителя в связи с различными значимыми событиями из прошлого или настоящего. Данной информантке эти слова хорошо знакомы, они часть ее памяти о прошлом, она имеет четкое представление о них и, как следствие, перестраивает русские слова по юкагирским парадигматическим моделям, оформляя их соответствующими падежными аффиксами (строка 02 и 04). Особая хезитационная маркированность данных ГЯ-единиц в речи отсутствует, за исключением строки 02, где небольшая пауза между русизмами и фальстарт с последующим самопродолжением прерванного указывают на планирование следующего речевого фрагмента и контроль сказанного.

Пример 4.

01 Лэвэймэ-н танниги ваай || йөкэ... || нымэ-бат йөкэ-дъиз ||

лето-FC тогда тоже [йөкэ]^{FS} дом-ABL далеко-DIM

02 *экспедиция*-пул || ма... *маяк*-лэ өгэ... өгэ-тиэ-льэл-на.

экспедиция.R [ма]^{FS} *маяк*.R-ACC [өгэ]^{FS} ставить-CAUS-INFR-TR.3PL

03 Танниги ||э|| лукул-эк өгэ-тиэ-нун-наа | лу... лукул *виэ-рэнг.* |

тогда HES земля-INS ставить-CAUS-HAB-TR.3PL [лу]^{FS} земля делать-

CVB

04 Тадаа аўйааґан-дэн || мит... мэт абучиэ ах та-н *маяк*-лэк мэт-ханэ

потом вечер-ADV [мит]^{FS} 1SG.POSS бабушка все.время DST-AT
маяк.R-INS 1SG-ACC

05 икииин-нун-у-м | эл аавэ-бунь-и-л-ґа.

пугать-HAB-0-TR.3SG NEG спать-DES-0-NR-LOC

(Летом тогда тоже далеко... довольно далеко от дома *экспедиции маяк* поставили. Тогда из земли делали и ставили. Потом по вечерам мою бабушка меня этим *маяком* пугала, если не хотела спать) [MA-2012-2].

Таким образом, пиджинизмы, в отличие от собственно вкраплений и голых форм, в большей степени результат сознательного употребления говорящим в речи. В сознании говорящего уже сформировано определенное

знание о грамматической форме гостевой лексемы в МЯ, и в результате сопоставления с подобными грамматическими формами МЯ говорящий проявляет лингвокреативность, умело «декорируя» инолексемы нужными морфосинтаксическими показателями.

3.2. Вкрапления на уровне словосочетания

Переключение на уровне словосочетаний предполагает интегрирование в юкагирскую речь этих конструкций по смыслу. Иноязычные словоформы сохраняют фонетико-формальные признаки ГЯ и занимают свое место в структуре высказывания без нарушения словопорядка. В примере 5 мы видим в качестве вставки якутское словосочетание *отут мүнүүтэ* ‘тридцать минут’ (говорящий 1963 г. р., строка 2), а в примере 6 — русское словосочетание *обмен опытом* (говорящий 1941 г. р., строка 2).

Пример 5.

01 А Нэмэ-лэ | таат || гитнэр Wiэ-ну-мэ-к таат-бан-дьэ хабун чаас-хан?

что-ACC так до делать-DUR-TR-2SG так-быть-PTL сколько час-PROL

02 Б Аа, та-н. || Маа^{вздох}рх-уо-нь {отут мүнүүтэ} саҕанаа-тэ-(йэн).

INTJ DST-D один-STAT-ADV тридцать.Y минута.Y<R сидеть-FUT-INTR.1SG

(А: Что там делаешь эти несколько часов? — Б: Аа, вот. Только *тридцать минут* посижу) [МА-П-2010].

Пример 6.

01 Хадьир^{вздох} | вертолет-лэ нэмэ-лэн || ээ || монабар-нун-на || нэмэ-лэн...

PTL вертолет.R-ACC что-FC HST что.сказать-HAB-INTR.3PL что-FC

Вот вертолетом, как говорят,

02 ээ || тидэ-н | {обмен опытом} | нэмэ-лэ кэчи-л.

HST INVS-AT обмен.R опытом.R что-ACC принести-SF

(Вот вертолетом, как говорят, этот *обмен опытом* привезли) [МА-2012-1].

Если в примере 5 не наблюдаются речевые колебания, речь спонтанная, иноязычный материал не выделяется просодически, что указывает на привычку переключения на якутский (например, когда речь идет о времени), то в примере 6 вводится словосочетание специализированного характера (употребляется только в контексте темы, связанной с корализацией — ежегодным подсчетом оленей на Севере), маркированное короткими акустическими паузами, и сопровождается метатекстовым высказыванием *монабарнунна* ‘как говорят’ (букв. говорят=они). Кроме того, на наш взгляд, особым пограничным сигналом выступает указательно-местоименный атрибутив *тидэн* ‘тот самый, давешний, ранее упомянутый’, предвосхищающий переход на другой код.

Инкорпорироваться может и группа из более чем трех слов. В примере 7 группу слов *тысячэ девятьсот восемьдесят четвертый год* вводит фраза на МЯ *waawэч аруулэк монтэйнг* ‘по-русски скажу’ (говорящий 1938 г. р., строка 03). Предшествующие поисковые фальстарты на самом деле маркируют не столько ошибочную попытку реализации речевого замысла, сколько сознательные усилия, подготавливающие введение целой группы слов на ГЯ, которые на МЯ потребовали бы еще больше речевых усилий из-за громоздкости звучания некоторых юкагирских числительных (*маархан тиисачэ вальбарумкуруол истуо маалайлаклянэ гуниль йэлэклэс-чэ сукунмольбал*).

Пример 7.

01 Таат хадьир та-н || ки-н йалбил | ту-н | Улуруо || лукул ал-ба-ба ваай лъэ-й, ||

так PTL DST-AT два-GEN озеро PRXM-AT У. земля под-ADV-LOC тоже быть-INTR.3SG

02 пурэ-дэ-ба ваай тэ-н | лъэ-й | идьиз хадьир тэ-н, ||вздох|| ээ, | мм, || на-POSS.3-LOC тоже DST-D быть-INTR.3SG сейчас PRT DST-D HES HES

03 о... йо... йи... waawэч аруу-лэк мон-тэ-йэн, {тысячэ | девятьсот | восемьдесят четвертый год}||вздох||

[о]^{FS} [йо]^{FS} [йи]^{FS} русский.AT язык-INS сказать-FUT-INTR.1SG тысяча.R девятьсот.R восемьдесят.R четвертый.R год.R

04 ту-н мит Улуруо йалбил || ваай ал-у-н кэриэ-й.

PRXM-AT 1PL.POSS У. озеро опять под-0-PROL упасть-INTR.3SG

(Так вот, под Олёринской землей тоже есть два озера, над ней тоже сейчас есть, ээ, хм, по-русски скажу, *в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году*, это наше озеро Олёра снова вниз опустилось) [MA-2012-3].

3.3. Сечение разноязыковых вкраплений в высказывании

Особый интерес представляют высказывания, содержащие группы не взаимосвязанных грамматически вкраплений из разных гостевых языков. Преобладает определенный порядок следования таких лексем, представленных различными лексико-грамматическими разрядами слов ГЯ: переход начинается с якутского материала, за которым следует русский. Так, в примере 8 мы видим в реплике (говорящий 1958 г. р., строка 02) выражение одобрения при помощи якутской модальной частицы, выражающей уважение, и русского междометия, передающего похвалу, что представляет собой особый речевой прием-актуализатор для усиления экспрессивности. Речь ровная, за исключением небольшой паузы, разделяющей разноязыковые элементы в речи, что связано с планированием дальнейшего высказывания. Использование такого рода единиц ГЯ не

только усиливает эмоциональную нагрузку, но также способствует уточнению якутской эмосемы якутизма через русизм, поскольку якутское модальное слово *барахсан* полисемантически и может выражать различные положительные и отрицательные эмоции в зависимости от конситуации [ТСЯЯ-2, 2005, с. 204].

Пример 8.

01 А Элэнь, мэт маҕил-лиэ тади-мэн.

NEG 1SG.POSS пальто-DIM дать-TR.1SG

02 Б Оо, *барахсан*, | *молодец*!

INTJ MOD.Y INTJ.R

(А: Нет, свое пальтишко дал (ей).

Б: О, *бедный*, *молодец*!) [МА-П-2010]

Следующий пример (9) содержит цепочку из якутской (*буолумуна* ‘выражает оценку говорящим высказываемой мысли как должного, закономерного и вполне понятного следствия предшествовавшей мысли’ [ТСЯЯ-2, 2005, с. 533]) и русской частицы в сочетании с указательным местоимением (*так это*). Здесь матричным выступает юкагирский язык, определяющий грамматическую рамку высказывания. По сути, внутреннее наполнение высказывания гостевыми лексемами представляет собой вербальную хезитацию, их отсутствие не повлияло бы на достижение понимания смысла сказанного. Тем не менее введение этих разных по своему происхождению и частеречному статусу вкраплений позволяет обеспечить большую коммуникативную эффективность — дает информацию об отношении говорящего (1963 г. р.) к тому, о чем идет речь, и управляет вниманием слушающего через разбивку высказывания на МЯ вербальной хезитационной контрукцией на ГЯ.

Пример 9.

01 Кичиэ-бат *буолумуна таак эта* саҕанаа-ну-йли.

комар-ABL конечно.Y так.R это.R сидеть-IPF-INTR.1PL

(От комаров *конечно так это* сидим) [МА-П-2010].

3.4. Морфологическая соотнесенность вкраплений

Иноязычные вкрапления в юкагирской речи представлены следующими частями речи:

— местоимениями (як. *ким* ‘кто’, *ити* ‘это’, *бэйэ* ‘сам’, *хаһан эрэ* ‘когда-нибудь’, ру. *это* ‘это’);

— существительными (як. *ардах* ‘дождь’, *издэн* ‘беда’, *сэбирдэх* ‘листья’, *обуһа* ‘на быке’ и др.; рус. *диктофон*, *народ*, *филармония*, *февраль* ‘в феврале’, *речкалэ* ‘речку’ и др.);

— прилагательными (як. *бүтүн* ‘целый, весь’, *манньык* ‘такой; всякий, разный’; рус. *летний*);

- числительными на уровне словосочетаний (як. *отут мүнүүтэ* ‘тридцать минут’, рус. *тысячэ девятьсот восемьдесят четвертый год*);
- наречиями (эв. *элэ* ‘здесь’; як. *оччоҕо* ‘тогда’, *төттөрү-таары* ‘взад-вперед’, *ургүльдү* ‘безостановочно’; рус. *сразу, почти*);
- послелогоми (як. *курдук* ‘подобно, как’, *тухары* ‘в протяжении чего-либо’);
- модальными словами (як. *саатыр* ‘хотя бы, даже’);
- частицами (рус. *вот, да*).

Так, вкрапления-местоимения в юкагирской речи представлены указательными, вопросительными, неопределенными и возвратными местоимениями из якутского и реже русского языков. В качестве примера приведем смешанное трехлингвальное высказывание с юкагирским матричным языком (пример 10), в которое включается якутское неопределенное местоимение *хаһан эрэ* ‘когда-нибудь’ (*хаһан эрэ* ‘некогда в прошлом, когда-то, неизвестно когда в будущем, еще нескоро’ [БТСЯЯ-3, 2016, с. 431]) (строка 1). Темп речи говорящего 1955 г. р. спокойно-размеренный, hesitant дис-трибуция сопровождается небольшими паузами в момент, когда происходит и завершается переключение на якутский в рамках одного слова (строка 1).

Пример 10.

01 Көдэ-н || *хаһан+эрэ* || лэ-лэк шлюпка-лэк мэр ам-уо...
человек-FC когда.Y+INDF.Y PRT-INS шлюпка.R-INS AFF хорошо-
STAT

Человеку *когда-нибудь* вот на шлюпке удобно...

02 [ээ] көдэ-н элуйой-даҕа ||| ^{вздох} ||| мэр... мэр... мэр... мэр ам-уо-тэ-й лэ-э.
INTJ человек-FC таскать-CVB [мэр мэр мэр]^{FS} AFF хорошо-STAT-FUT-
INTR.3SG PRT

(Человеку *когда-нибудь* вот на шлюпке удобно... э, удобнее же таскать (дрова) будет) [МА-Д-2011].

Обособление якутизма небольшими по длительности паузами в данном случае, по нашему мнению, отражает процесс принятия решения в выборе той или иной единицы одного из языков репертуара, а значит, речь идет об осознанном переключении на ГЯ. Говорящий, речь которого характеризуется как юкагирско-якутско-русская, не использовал лексику МЯ (*мэ ханын* ‘когда-нибудь’), а сознательно использовал гостевое местоимение, потому что ему так удобно. Произошел преднамеренный отказ от поиска нужного слова на МЯ, и был осуществлен выбор кода в пользу языка, который первый пришел на память. В то же время функция растягивания конечной гласной иноязычного вкрапления-местоимения заключается в удержании контроля и планировании остального речевого фрагмента, а именно возврат к МЯ.

Особенно часто встречаются в современной речи юкагиrow модальные слова и частицы из якутского языка. Так, в примере 11 коммуникант В 1932 г. р. вместо матричного модального слова *ахун* ‘даже; хоть, хотя бы’ употребил в речи якутское модальное слово *саатыр* ‘даже; хоть, хотя бы, по крайней мере’ [БТСЯЯ-8, 2011, с. 100—101]. При этом в данной реплике (строка 03) переключение коммуниканта В гладкое, хезитационные периоды отсутствуют, что указывает на спонтанность и, следовательно, речевую привычку. В целом коммуникативная стратегия выстроена так, чтобы через контраст звучания иноязычного и матричных слов придать максимальную выразительность высказыванию.

Пример 11.

01 А Йоллэ мэ лэ-й тэньи? | Эйуокэ.

мох AFF быть-INTR.3SG здесь близко

03 В Пой-уо-нь. Хаду-нудэ-н *саатыр* тудэл.

много-STAT-INTR.3SG какой-DIR-FC MOD 3SG-NOM

02 Б Мэ лэ-й тэньи эйуокэ лэ-й, мэ лэ-й.

AFF быть-INTR.3SG здесь близко PTL AFF быть-INTR.3SG

04 А Ээ.

INTJ

(А: Мох здесь есть? Поблизости. — Б: Есть тут недалеко, есть. — В: Много. Куда он *хоть* денется. — А: Да) [МА-П-2010].

4. Заключение = Conclusions

Наиболее частым явлением кодового переключения в юкагирском языке являются вкрапления в виде отдельных слов и сочетаний слов, как связанных, так и не связанных между собой. Вкрапления представлены главным образом якутскими и русскими лексемами, соотносимыми с различными лексико-грамматическими разрядами слов (количественное преимущество имеют существительные). В количественном отношении наблюдается преобладание якутского материала не только среди вкраплений, но и в ряду других видов переключений, что говорит об актуальности якутского языка как второго в языковом репертуаре тундровых юкагирrow. Предложения-высказывания в зависимости от содержания тех или иных иноязычных включений двух- (юкагирский как МЯ и вкрапления из ГЯ) и трехлингвальны (юкагирский как МЯ и вкрапления из ГЯ₁ и ГЯ₂).

Наш материал показал, что якутские и русские вкрапления в юкагирской речи проявляют себя как собственно вкрапления (при наличии или отсутствии эквивалента в МЯ), голые формы и пиджинизмы.

Немаркированность иноязычных вкраплений в речи указывает на языковые предпочтения отдельного носителя: инолексема ему хорошо знако-

ма и стала его речевой привычкой. При этом речь гладкая, отсутствуют хезитации, дискурсивные маркеры, метакомментарии. Демонстрируя таким образом свою языковую компетентность, юкагир-полилингв не сомневается, что будет правильно понят, поскольку его коммуникативное окружение также характеризуется как полилингвальное. Что интересно, к случаям немаркированного выбора относятся зачастую высказывания МЯ со стечением инолексем из ГЯ₁ и ГЯ₂ (смешанные высказывания), что объясняется языковым мышлением полилингва, одинаково владеющего обоими языками, но не способного осознанно разделить их в речи.

Маркированные вкрапления в юкагирской речи предваряются различного рода хезитационными явлениями или комплексами таких явлений (пустые или заполненные паузы, фальстарты), сопровождаются метатекстовыми комментариями. Хезитации маркируют осознанное переключение, когда говорящий управляет вниманием слушающего для удерживания речевой инициативы, планирования речевой программы и контроля над уже сказанным. Соответственно, относительно вкраплений мы можем выделить в речи юкагиров *экспрессивные переключения*, функция которых состоит в определенном воздействии на собеседника, выражении коммуникативных интенций и самоидентификации говорящего, усилении выразительности, а также *информационные переключения*, выполняющие предметно-тематическую, металингвистическую, а также функцию экономии речевых усилий.

Кроме того, лингвокреативность вкраплений проявляется в индивидуальном характере использования того или иного иноязычного материала юкагиром-полилингвом (языковые предпочтения и речевая привычка отдельного носителя) и в его перестраивании по моделям юкагирского языка (пиджинизмы).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой толковый словарь якутского языка* (буква С) / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 2011. — Т. 8. — 572 с. — ISBN 978-5-02-032332-2.
2. МА-2012-1 — *Материалы* автора : монолог информанта 1941 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. В г. Якутск.
3. МА-2012-2 — *Материалы* автора : монолог информанта 1945 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.
4. МА-2012-3 — *Материалы* автора : монолог информанта 1938 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.
5. МА-2012-4 — *Материалы* автора : монолог информанта 1946 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.

6. МА-Д-2012 — *Материалы* автора : диалог между информантами 1952 и 1960 гг., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.

7. МА-П-2010 — *Материалы* автора : полилог между информантами 1932, 1945, 1955, 1958, 1963 гг. р., записанный проф. С. Оде (Нидерланды) и проф. Д. Матичем (Германия) в 2010 г. в с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии.

8. ТСЯЯ — *Толковый словарь якутского языка (буква Б)* / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 2005. — Т. 2. — 912 с. — ISBN 5-02-032347-0.

Литература

1. Багана Ж. Отношение заимствований и иноязычных вкраплений / Ж. Багана, Я. А. Глебова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2015. — № 3. — С. 4—9. — DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9.

2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 344 с. — ISBN. 978-5-93439-323-7.

3. Гаврилова В. Г. Иноязычные вкрапления в устных высказываниях на марийском языке / В. Г. Гаврилова // Вестник Костромского государственного университета. — 2014. — №5. — С. 178—181.

4. Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенского языков) / Ю. Е. Галямина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — Выпуск 1 (116). — С. 96—101.

5. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. — Алма-Ата : Гылым, 1990. — 180 с. — ISBN 5628005770.

6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1968. — 208 с.

7. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. — 1966. — № 7. — С. 60—68.

8. Листрова-Правда Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в. : на материале немецких вкраплений / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1979. — 155 с.

9. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1986. — 143 с.

10. Новоженова З. Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление : русское слово в чужом тексте / З. Л. Новоженова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. — 2012. — Выпуск 8. — С. 37—42.

11. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С. И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2010. — Выпуск 1. — С. 114—118.

12. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литература за последние десятилетия) / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 123—127.

13. Рожанский Ф. И. Средства маркирования переключения кодов в сойкинском ижорском / Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус // Язык как он есть : сб. ст. к 60-летию А. А. Кибрика. — Москва : Буки-Веди, 2023. — С. 65—71. — ISBN 978-5-6049527-2-6.

14. Фомиченко Л. Г. Психолингвистические основы исследования речевой экспрессии при билингвизме / Л. Г. Фомиченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2013. — № 3 (19). — С. 189—193.

15. Чиршева Г. Н. Вкрапления в речи ребенка-билингва / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин // Филологический класс. — 2020. — Т. 25. — № 2. — С. 236—245. — DOI: 10.26170/FK20-02-21.

16. Яковлева Э. Б. Речевые хезитации : формальный и функциональный аспекты : аналитический обзор. — Москва : ИНИОН РАН, 2016. — 74 с. — ISBN 978-5-248-00803-2.

17. Bauer L. English Word-Formation / L. Bauer. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 311 p. — DOI: 10.1017/CBO9781139165846.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023,
одобрена после рецензирования 17.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.

Material resources

BTSIAYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language (letter C)*, 8. (2011). Novosibirsk: Nauka. 572 p. ISBN 978-5-02-032332-2. (In Russ.).

MA-2012-1 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1941, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in Yakutsk*. (In Russ.).

MA-2012-2 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1945, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-2012-3 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1938, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-2012-4 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1946, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-D-2012 — *Materials of the author: a dialogue between informants born in 1952 and 1960, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-P-2010 — *Materials of the author: polylogue between informants born in 1932, 1945, 1955, 1958, 1963, recorded by Prof. S. Ode (Netherlands) and Prof. D. Matic (Germany) in 2010 in the village of Andryushkino, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

TSYAYA — *Explanatory dictionary of the Yakut language (letter B)*, 2. (2005). Novosibirsk: Nauka. 912 p. ISBN 5-02-032347-0. (In Russ.).

References

Bagana, Zh., Glebova, Ya. A. (2015). The relation of borrowings and foreign language inclusions. Scientific result. *Questions of theoretical and applied linguistics*, 3: 4—9. DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9. (In Russ.).

Bauer, L. (1983). *English Word-Formation*. Cambridge: Cambridge University Press. 311 p. DOI: 10.1017/CBO9781139165846.

- Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2020). Inclusions in the speech of a bilingual child. *Philological class*, 25 (2): 236—245. DOI: 10.26170/FK20-02-21. (In Russ.).
- Fomichenko, L. G. (2013). Psycholinguistic foundations of the study of speech expression in bilingualism. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 3 (19): 189—193. (In Russ.).
- Galyamina, Yu. E. (2012). Structural types of code switching in the speech of speakers of endangered languages (based on the material of the Ket and Evenk languages). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1 (116): 96—101. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2014). Foreign language inclusions in oral statements in the Mari language. *Bulletin of Kostroma State University*, 5: 178—181. (In Russ.).
- Karlinsky, A. E. (1990). *Fundamentals of the theory of interaction of languages*. Alma-Ata: Gylym. 180 p. ISBN 5628005770. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1968). *Foreign words in modern Russian*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1966). Foreign language inclusions in Russian speech. *Questions of speech culture*, 7: 60—68. (In Russ.).
- Listrova-Pravda, Yu. T. (1979). *Foreign language phenomena in Russian fiction of the XIX century on the material of German inclusions*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University. 155 p. (In Russ.).
- Listrova-Pravda, Y. T. (1986). *Selection and use of foreign language inclusions in the Russian literary speech of the XIX century*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University. 143 p. (In Russ.).
- Manina, S. I. (2010). Pragmatic functions of foreign language inclusions. *Bulletin of the Adygea State University*, 1: 114—118. (In Russ.).
- Novozhenova, Z. L. (2012). Foreign language inclusions as a discursive phenomenon: the Russian word in someone else's text. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Philology, pedagogy, psychology*, 8: 37—42. (In Russ.).
- Protsenko, E. A. (2004). The problem of code switching in foreign linguistics (a brief review of the literature over the past decades). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 123—127. (In Russ.).
- Rozhansky, F. I., Markus, E. B. (2023). Means of marking code switching in Soikinsky Izvorsky. In: *Language as it is: collection of articles on the 60th anniversary of A. A. Kibrik*. Moscow: Buki-Vedi. 65—71. ISBN 978-5-6049527-2-6. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow: International Relations. 344 p. ISBN. 978-5-93439-323-7. (In Russ.).
- Yakovleva, E. B. (2016). *Speech hesitations: formal and functional aspects: an analytical review*. Moscow: INION RAS. 74 p. ISBN 978-5-248-00803-2. (In Russ.).

*The article was submitted 02.10.2023;
approved after reviewing 17.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*